

КАЛЕНДАРЬ "СМ"

С. С. Прокофьев за роялем. Никополь, 1910 г.

С. С. Прокофьев на отдыхе в подмосковном санатории Подлипки. 1945 г.

"Индивидуальность дана

мне для создания Красоты"

Сов. молодежь. Вила. - 1991. - 24 апр. - с. 6.

Такая строчка есть в одной из записных книжек Сергея Сергеевича Прокофьева. Русского композитора, с именем которого связаны главные открытия в мировой музыке XX века. В эти дни мы отмечаем 100-летие со дня рождения Прокофьева. К этой дате издательство "Советский композитор" выпустило сборник "Сергей Прокофьев, 1891-1991. Дневник. Письма. Беседы. Воспоминания". Многие материалы публикуются в нем впервые. Мы предлагаем вашему вниманию два отрывка из книги.

Прокофьев и Стравинский

...Что же сближало Прокофьева и Стравинского на раннем этапе их композиторской биографии?..

Общее для обоих музыкантов - боязнь самоповторения, нежелание пассивно тиражировать собственные удачи. Для них непрерывное движение вперед, к новым, порой ошеломляющим неожиданностям. Так, Прокофьев прямо утверждал, что каждое из его сочинений "должно обладать своей собственной техникой. Если этого не будет, он неизбежно начнет повторяться, а это всегда - начало конца". И примерно ту же мысль высказал - вскоре после триумфа "Весны священной" - Стравинский: "Не могу же я (...) сочинять того, что от меня хотят - то есть повторять себя же - кого угодно повторять, только не себя самого, - ибо так-то люди исписываются". Этим отчасти можно объяснить у обоих композиторов парадоксальные броски от одной образной сферы - к совершенно иной, словно подчеркивающей ранее найденное. Таковы поразившие публику крутые повороты от "Весны священной" - к "Пульчинелле" и "Эдипу" либо - у Прокофьева - от "Скифской сюиты" - к "Классической симфонии" и "Мимолетно-

стям". Подобные стилистические превращения были бы невозможны в более устойчивом и ровном развитии старой музыки. Это один из характерных признаков обострившейся динамики в художественной эволюции XX века.

...Стравинский принадлежал к кругу изоцированных интеллигентов, рафинированных знатоков поэзии и живописи. Он поражал современников "какой-то невероятной высшей диалектикой", "блестящими и точными парадоксами". Сын знаменитого оперного певца, он смолodu вращался в кругу петербургской художественной элиты, а позднее общался на равных с Пабло Пикассо и Жаном Кокто, Полем Валери и Андреем Жидом. Насколько же более земной, стихийной почвенной, представляла личность молодого Прокофьева, начавшего свой путь в семье провинциального агронома, в тихой патриархальной Сонцовке. Уступая Стравинскому в художественной эрудиции, в остроте философского мышления, он зато более тесно связан с родной природой, с народной песенностью. Ему в большей степени были присущи свежесть мировосприятия - без сложных психологических "комплексов", внутренняя духовная чистота - черты, вызывавшие поройнисходительную улыбку европейца и эрудита Стравинского...

По разному проявилась национальная природа их творчества. Для Стравинского русская тематика, связанная с фольклором, была хотя и чрезвычайно ценной, но все же переходящей линией его композиторской эволюции. В сущности, эта "русская полоса" длилась немногим более десяти лет - от "Жар-птицы" и "Петрушки" до "Свадебки" и "Мавры", уступив далее место более нейтральным общечеловеческим сюжетам и образам... Прокофьев же, сущности, никогда не порывал с русской художественной традицией; напротив, подчёркнуто национальная линия, определявшаяся во времена "Шута" и "Игрока", - все более ширилась и крепла, особенно богато проявив себя в таких поздних работах, как "Александр Невский", "Война и мир", "Иван Грозный", "Сказ о каменном цветке". Надо было обладать исключительной прочностью национальных связей, чтобы с такой чуткостью воплотить образы произведений Достоевского, Пушкина, Л. Толстого, мотивы русской истории, русской сказочности, живые интонации русской речи. А. Стравинский - и это несомненно было его личной трагедией - после гениальных открытий "Жар-птицы" и "Петрушки", "Свадебки" и "Мавры" - в сущности, ушел от русской тематики - к Баху, и Перголези, к Дездемонде и Моцарту, теряя

присущее ему смолodu чувство Родины.

Зато сильную сторону творчества Стравинского составляла его способность свободно и свежо, в оригинальной современной форме воплощать "вечные" сюжеты мирового искусства - образы античных и библейских мифов, католического обихода. В этой неизменной отзывчивости на общечеловеческие образы мировой культуры сказывается его истинный европеизм, его чувство сопричастности всемирному процессу духовного развития... И напротив - Прокофьев ни в молодости, ни в зрелые годы не стремился углубляться в мир "вечных" сюжетов; один из немногих подобного рода образов - балет "Блудный сын", возникший по инициативе С. Дягилева (и, конечно же, обладавший почти откровенным автобиографическим "подтекстом")...

Говоря о мировом интернациональном влиянии обоих русских корифеев, следует на первое место поставить Стравинского. Его авторитет в западном музыкальном мире был безграничен, явно превосходя известность его младшего коллеги...

И конечно же, Стравинский вполне органично вписался в музыкальную жизнь Франции, а затем и США, став на долгие годы признанным лидером мирового музыкального движения ("Он во что бы то ни стало хочет вести музыку", - писал о нем его младший коллега). Прокофьев же, прожив полтора десятилетия на Западе, так и не стал там в полной мере своим, а оставался интересным, но странным чужаком, временным гостем из далекой и "непонятной" России. Об этом свидетельствует наблюдение Асафьева, относящееся ко времени его парижской командировки 1928 года: "Живет он (Прокофьев) здесь очень обособленно, с русскими почти не за-"

(его считают советским), а французы его не понимают". "Стальной скак" пользуется здесь успехом, хотя и считается "большевицким" балетом. Для них всякая содержательная и сильная музыка страшна! Тогда же Б. Асафьев, высоко ценивший и очень тонко исследовавший композиторские достижения Стравинского, вынужден был отметить в его новейших сочинениях черты досадной умозрительности: "Боюсь за его творчество: он на вершине славы, а музыку стал писать сухую-сую..."

(Из статьи И. Нестьева "Светила и спутники. Прокофьев в его контактах с современниками".)

Н.С.: - Известно ли вам что либо об отношении Сергея Сергеевича к постановлению 1948 года, к атмосфере творческой жизни, сложившейся тогда? Каково было его состояние в последние годы?

Станислав Прокофьев: ...В те годы мы общались мало. Но я помню, как он огорчился, что по радио, например, постоянно звучал набор одних и тех же сочинений - из тех, что были официально признаны и считались лучшими: "Ромео и Джульетта", "Александр Невский". "Как будто я ничего другого не написал!" - говорил он тогда. Большая часть его произведений в 1948 году была просто запрещена для исполнения. Конечно, он был потрясен двуличием Д. Б. Кабалевского. Предали отца и другие - те, что прежде пели ему осанну, потом вдруг поняли, как они "ошибались", и стали критиковать с тем же рвением, с каким прежде восхваляли. Нужно ли говорить о том, что еще позже они в очередной раз переменили взгляды и, приосановив травлю, опять стали восхищаться. Знаете, некоторые из них и сейчас облечены высокими степенями и званиями, они до сих пор чувствуют себя на диво уверенно в качестве людей, "так много сделавших для Прокофьева, для изучения и пропаганды прокофьевского творчества". А ведь каждый из них нанес ему глубокую рану, которая уже не зажила.

После 1948 года у отца участились изнурительные приступы головных болей, гипертонические кризы следовали один за другим. То, как он изменился, отчетливо видно на его последней фотографии, я снял его осенью 1952 года. Это был другой человек, с печальным и безнадежным взглядом. Мне больно смотреть на эту фотографию. По совету врачей он стал жить преимущественно на даче. 5 марта 1953 года он скончался во время одного из приступов. Ему не было 62 лет.

...С похоронами были большие сложности. Все улицы были запружены толпами народа, цветов достать было невозможно. Ведь в тот же день умер Сталин...

(Из беседы Святослава Прокофьева с музыковедом Натальей Савкиной.)

НА СНИМКАХ:

С. С. Прокофьев. Никополь, 1910 г.

С. С. Прокофьев на отдыхе в подмосковном санатории Подлипки. 1945 г.